

первомъ ея знакомствѣ съ мужемъ, она мнѣ отвѣчала: *Азъ пасохъ овцы, пакъ той (онъ) дойде, тай ми вели да иду сосъ него (съ нимъ);* я продолжала: опгъ его же она непропивилась, а послѣдовала, по возразила: *Какво щете, болгарецъ, да не бѣхъ шла, кога ми вельше два момака сосъ пиштове и сосъ кинджалы: требуваие да иду, и отъидохъ.*

Случается, что Турки похищаютъ Болгарокъ, за то и Болгарскіе юзакъ неочень женируются на щопъ Мусульманокъ. — Опмичари не смѣютъ съ плѣнницей являться прямо въ село жениха, ибо почли всегда бывають за ними погоня; а уводятъ ее сперва въ лѣсъ, куда приводятъ и священника, который хоня нехопя долженъ вѣнчать если не въ какой либо колибѣ, по и подъ дубомъ, а то бы ему неизбѣгнууть побоевъ. Послѣ уже вводятъ обрученную въ домъ похитителя. Если погоня достигла до села, въ которое уведена черная коса, по селяне эпи выходятъ чинно къ ней на встрѣчу и вспунають въ переговоры къ миру. Если примиряется, по дѣло *добръ* запивають виномъ, и *свадьбою*; а если не примирились, по *тяжболо*, ибо родственники похищенной доводятъ дѣло до судьи, предъ котораго должны предстать и опмичари съ своею прозерпиною. Когда мать увидитъ дочь свою въ судѣ, восклицаетъ: *Куку мене! Эво раба моего!* (Ахъ горе мое! Вонъ моя плѣн-